

У мер Валерий Дударев. Если верить прессе, ему недавно исполнилось 54. Казалось, что Валерий гораздо моложе — и от этого еще горше.

Вижу библиотечный зал дома культуры завода «Компрессор», там заседало литобъединение «Ключ», собранное журналом «Юность» — тем самым. Валерий читал свои стихи не без смущения, но уверенно. Наверное, сказывался учительский опыт. Ему было, как я сейчас понимаю, лет 25. К тому времени Валерий, отслуживший в армии после ленинского педагогического, мало вращался в «литературной среде» и, может быть, поэтому не обращал внимания на поэтическую моду. Уже сложился его стиль, напоминающий о «тихой лирике» 1970-х. В то время трудно было избегать публицистики — и Валерий газетные образы вворачивал в стихи тонко, без натуги, — и писал, например, о том, что с русской водочной этикетки на нас глядит канадская пшеница. Многое запомнилось. Сразу стало ясно, что этого поэта всегда будет интересно читать, что он — всерьез и надолго. В этом мы не ошиблись. У него никогда не срывался голос. Валерий был эрудированным филологом, с фамильной, наследственной начитанностью. Но к счастью, никогда не писал в амплу филологического мальчика. Стремился к чистоте реалистического слова, в котором видел идеал. Искал точности и негромких, неброских, но цепких открытий. Этим отличался от других. Полной свободой от шаблонов нового времени, от проявившейся в начале 1990-х новой конъюнктуры. Он как будто был и старше, и моложе большинства современников.

Его родина — семидесятые. Валерий с нежностью относился к поэтам (к тому времени полузабытым), которые прозвучали в те годы, когда он был подростком. Прежде всего это Николай Дмитриев, но не только он. А важнее всех (и тут уже дело не в поколениях и десятилетиях) был для него Владимир Соколов, во многом Валерий продолжал его линию, его ноту. Хотя в зависимость от учителей не впадал. Слишком серьезно, сосредоточенно и строго работал.

Валерий в заметной степени навсегда остался в той, уже напрочь утраченной, атмосфере семидесятых — мирной, интеллектуальной, с ощущением высокого статуса русской поэзии, от фольклора и Державина до наших дней. С нелюбовью к официозу, с умением дружить, не жалея времени на совсем не де-

ловые беседы. Его дух — это золотая середина тихого времени, без ура-патриотизма и без диссидентщины.

Он жил у Речного вокзала. По-моему, это важно. Валерий редко писал о городе. Его среда в стихах — провинция, дорога, деревня. Но, думаю, обаяние московского спального района ему тоже помогало — ветер с водохранилища, «кирпичка» на Флотской улице, парк Дружбы, панельные кварталы, по пояс занесенные снегом... Представляю его бредущим в тех краях, поздним вечером. Представляю по его стихам, по нашим общим воспоминаниям.

В 1994 году вышел его первый сборник — «На склоне двадцатого века». Дебют не ранний и сильный. Небольшая книжка в аскетическом переплете продавалась в киосках «Союзпечати». Она попала Льву Аннинскому, и тот написал о Валерии благожелательную заметку. Написал без протекции, даже без шапочного знакомства. Так бывает нечасто. Тот отзыв Валерию был дорог. Через несколько лет они познакомились, много сотрудничали в «Юности». Аннинский встраивал стихи Валерия в историю литературы, очень серьезно к ним относился. Писал о новых стихах Валерия напряженно, взыскательно — как о классике: «Вот и сказано главное, спасено сокровенное, сбережено последнее. Как сохранить душу, если все вокруг все выжжено дотла? Можно забыть. И потом вспомнить. Можно вспомнить, зная, что все равно забудешь, не удержишь. Можно попрощаться, потому что снова встретишь. Можно утратить, потому что снова обретешь. Прощанье — дым. И встреча — дым. Метельное кружение, снег вечности, брезжащие черты дорогих лиц». Думаю, это было последнее крупное литературное открытие критика. Счастье, что они сдружились и оба ценили эту дружбу. И ушли почти в один день. Конечно, не случайно.

В той первой книжке было стихотворение, которым для меня завершается русская антология XX века. Заглавное:

На склоне двадцатого века
Быстрее идут поезда.
В купе умирает калека
Один, без врача, без креста,
Без грусти о том, что калека:
Немало на свете калек.
Но грустно душе человека,
Что скор этот поезд и век.

И нужно успеть помолиться
На серое небо Орла.
А смерти старик не боится,
Нога-то давно умерла.

Простые, почти сплошь — общеупотребительные слова. Но других и не надо. Поезда, набирающие ход «на склоне» столетия, и «скор этот поезд и век» — образы изысканные, но и они подчинены главному для Валерия — судьбе человека, за которого он болел. Но и огранка здесь важна: никаких искусственных оборотов, никаких вставных челюстей ради звонкой рифмы.

Примерно в начале нулевых Валерий стал писать лаконичнее и проще. У него появлялись стихи вызывающе консервативные — как из хрестоматии.

С модернами и канонами,
С черным стихом и белым
Поэзия — дело новое!
Старое, в общем, дело!
Поэта трясутся рученьки!
Дайте ему награду!

Налейте поэту рюмочку!
Поэтам много ли надо?!
Чтобы ходики тикали,
Чтобы лампа горела.
Поэзия — дело твое!
Громкое, в общем, дело!

Потом появились новые мотивы, более личные. У него как будто началась вторая юность (без этого слова не обойтись!). И в каждой его подборке —

без исключений — можно найти по-настоящему сильные стихи. Они остались в памяти, как и их автор.

Почти тридцать лет у Валерия были присутственные дни в журнале «Юность». Сначала он просто приходил в отдел поэзии — к Натану Злотникову и Николаю Новикову. Они сдружились. Помню наши тогдашние разговоры — несколько неприкаянные. Как жаль, что их нельзя повторить. Но, уж простите за банальность, если бы все можно было повторить по заказу — наверное, мы меньше ценили бы жизнь. Думаю, Валерий от такого искушения отказался бы. А я, наверное, не смог бы устоять — так хочется снова попасть в этот давно прокрученный кинофильм.

Вообще-то это было грустное время для «Юности». Впрочем, потом стало еще грустнее. Еще в 1989–1991-м это был журнал с многомиллионным тиражом, в котором не случалось незаметных публикаций. Да и гонорары к «славе» прилагались не копеечные. Но уже в 1992-м номера выходили с опозданиями, тираж скукожился, подписчики исчезли.

От прежнего ореола остался только памятник Маяковскому за окном да девочка на обложке. Многим прежним читателям казалось, что «Юность» уже давно не выходит. А Валерий служил ей. Он недолгое время работал в газете «Трибуна» (которая бывшая «Социалистическая индустрия»), а потом стал сотрудником «Юности». Самым энергичным и грамотным в те годы. Главный редактор Виктор Липатов сделал его заместителем, который, собственно говоря, и тянул журнальный воз. О «Юности» в то время вспоминали нечасто. Но те, кто оставался в орбите журнала — и авторы, и читатели, — все лучшее, что там происходило, связывали с Валерием. После смерти Липатова, в 2007 году, Дударев возглавил журнал.

Рутинка отвлекала от стихов — наверное, так бывало всегда и со всеми. Но Валерий оказался сильнее. В главном его стиль не менялся с начала 1990-х, он был верен себе. Но постоянно находил новые мелодии, новые образы и слова — и каждый год писал чуть-чуть по-новому.

Валерий был необычным главным редактором. Запредельно несановитым — быть может, чересчур демократичным. Его трудно было застать в кабинете, за начальственным столом. Он не любил пиджаков, не говоря уж о галстуках, избегал покровительственных интонаций, со многими переходил на ты — и не односторонне. Дирижировал коллективом незаметно, на полутонах. Судя по всему, это был продуманный стиль: Дударев не хотел повторять того, чего смолоду не любил в других столоначальниках. У него было немало редакторских удач. Жаль, что ему мало по-

могали. Журнал открывал новых авторов, благородно сохранял дружбу со стариками. Но существовать приходилось на медные деньги, да и большого — как в позапрошлую эпоху — резонанса не было и быть не могло. «Юность» переехала, ее новая штаб-квартира расположилась в нескольких кварталах от прежней, в знаменитом доме с рестораном «София» на первом этаже. Впрочем, и «София» давно упразднена. Ему удалось сохранить и даже переоснастить журнал, хотя и в чиновничьих передних, и среди бизнесменов Валерий чувствовал себя неуютно. Встраиваться в систему он, по большому счету, не желал. Свою несовременность нес не кичливо, не картинно. Просто был таким по природе. Если и играл — то чуть-чуть и без фальши. От природы, от органики не отступал ни в стихах, ни в жизни. Звучит это высокопарно, но так уж было. Один из ключевых его образов — дерево. Ветла, которая растет сама по себе и не гибнет в веках. Он часто к этому многозначительному древесному символу возвращался. Вместо ветлы могла быть сосна:

Ее смола янтарно, сочно
Одолевала тьму и мглу.
И всем понятно — вот же солнце
К земле стекает по стволу.
Чужие люди подходили
К ней новогоднюю гурьбой,
Но тайны этой не открыли
И мы с тобой.
Когда с обрыва мчатся сани,
Когда лыжни обнажены —
Тогда вот кажется в тумане,
Что нет — и не было сосны.

Это одно из последних его стихотворений. Как будто Валерий хотел закольцевать главную для себя мысль. Такова дударевская нота, очень важная для него, — с недосказанностью. Да и можно ли до дна договориться по поводу вечных тайн жизни? «Замри как замирает ель», — это тоже его строчка.

Иногда ему удавались баллады, сюжетные истории, Валерий умел не выпячивать и не выпучивать свое «я» — в том числе в стихах, хотя это невозможно трудно. Умел показать людей, их истории — по-некрасовски. Кстати, говорить с ним о Некрасове было наслаждением. Как и о Фете, Тютчеве, Толстом Алексее Константиновиче. Он любил вспоминать, как Тургенев пытался воспитывать Фета, исправлял его стихи, приглаживал их. И как из этого ничего не вышло. Это важный сюжет для Валерия, всегда отстаивавшего природное естество. Искусственных елок и обезжиренного творога в поэзии он не принимал.

Тут впору напомнить одно из самых известных (к сожалению, только в сравнительно узких кругах) дударевских стихотворений — оно родом и из нашего времени, и из золотого русского литературного XIX века:

Тобольская бабушка Анна
Квартплату внести не смогла.

В три дня на лекарства неожиданно

Горячка рубли извела.

А к ночи надвинулись тени,

И голод,

и холод,

и мрак!

Неможется людям без денег

Ни сидя, ни лежа —

никак!

Все чудится:

РЭУ погубит!

Но чудо, всем РЭУ назло,

Сухие тобольские губы

Позвали.

И чудо пришло!

Тобольская бабушка Анна,

Как будто сто лет впереди,

Вздохнула легко, филигранно

И руки свела на груди.

В эпоху резни и упадка

Под лекаря горькую речь

Так тихо,

так мирно,

так сладко

Ей выпало вдруг умереть.

Это Дударев чистой воды. Тот редкий случай, когда сентиментальность — не уничижительное понятие. В этом жанре так легко спикировать в патоку, свойственную многим патентованным «печальникам за русскую землю»... А в жизни он даже о печальном рассуждал почти радостно. Без уныния выстраивал свой мир. Потому и был так молод и внутренне, и внешне. Юмор у него был юношеский, немного наивный. Об этом, уверен, сейчас вспоминают все, кто знал Валерия.

Теперь уж ничего не исправишь. Он не любил светиться в соцсетях, почти не бывал там. Больно, что мы редко пересекались в последние 10 лет. Хотя всегда могли продолжить разговор с прерванной мысли. И, как это бывает, казалось, что впереди сто вагонов времени. А теперь поезд ушел. Он, как было сказано, скор.

Его стихи ни обаяния, ни смысла не потеряют. Они будут необходимы и годы спустя — пожалуй, сильнее, чем сегодня. Говорю это не «в силу печального повода». Валерий был чистым лириком и имел на это право — по дарованию, по вкусу, по душе. Такое не меркнет. Только жаль, что многих лучших его стихов нет в Интернете. Валерий не позаботился об этом. Но это единственное, что поправимо.

Арсений Замостьянов,
заместитель главного редактора
журнала «Историк»

Изначальная версия этого текста, более короткая,
опубликована на портале Годлитературы.рф